

Пятков Д.В.

Нормы гражданского права в системе частное и публичное – общее и специальное

Аксиомой отечественной юриспруденции является разделение права на отрасли, у каждой из которых есть свой уникальный предмет и характерный для нее метод. После длительных и всесоюзных совещаний научных работников в разные годы истории советского государства прочно утвердилось в головах юристов такое представление о системе права, когда оно разделено на крупные нормативные массивы, регулирующие специфическим образом определенную сферу общественной жизни. Границы между отраслями могут вызывать вопросы, но принципиальная установка доктрины такова – эти границы есть, а нарушение их должно быть санкционировано законом. То есть заимствование норм одной отрасли для регулирования отношений, входящих в предмет другой отрасли, по общему правилу не допускается. Очень ярко данная аксиома отражена гражданским законодательством. Согласно п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Тем не менее, интерес к межотраслевому сотрудничеству последние годы только возрастает. Причем самым популярным направлением такого взаимодействия различных подсистем в праве является заимствование гражданско-правовых норм, терминов и доктринальных решений в различных отраслях, находящиеся даже на самом крайнем публично-правовом фланге системы. Насыщенность Налогового кодекса РФ гражданско-правовыми понятиями и конструкциями просто поражает воображение, а использование

богатства цивилистики в уголовном праве сегодня является залогом эффективного применения этой карательной отрасли.

Вот лишь некоторые примеры научных работы, которые подчеркивают популярность гражданского права, его метода регулирования и понятийного аппарата среди отраслевых специалистов:

- Множественность лиц на стороне работодателя¹;
- Понятие и особенности соглашений в налоговом праве²;
- Нетипичные элементы в трудовых отношениях³. В аннотации к этой статье отмечается: «На основании анализа и обобщения сложившейся судебной практики автор рассматривает правомерность уступки работником своего права на получение заработной платы, перевода долга работодателем по выплате заработной платы на третье лицо, изменения обязанности работодателя по выплате заработной платы, а именно возможности ее прекращения не надлежащим исполнением, а предоставлением отступного или зачетом». Не трудно заметить сугубо гражданско-правовой контекст этого трудо-правового исследования. Перечисленные правовые конструкции совершенно не характерны для современного трудового права;
- К концепции административно-договорного обязательства: современные проблемы и тенденции развития⁴;
- Действительность административного договора⁵;
- Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы⁶. Эта последняя работа в данном перечне заслуживает особого внимания благодаря одному только своему названию, которое можно

¹ См.: Харитонов М.М. Множественность лиц на стороне работодателя: Научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2011. Множественность лиц – настолько же естественный и родной для гражданского права, насколько он кажется новым и неисследованным для права трудового.

² См.: Мухамадеева Г.А. Понятие и особенности соглашений в налоговом праве // Финансовое право. 2014. № 3.

³ См.: Бычков А.И. Нетипичные элементы в трудовых отношениях // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 2.

⁴ См.: Щербакова Л.В. К концепции административно-договорного обязательства: современные проблемы и тенденции развития // Реформы и право. 2013. № 2.

⁵ См.: Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административное право и процесс // 2013. № 6.

⁶ См.: Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы / Под ред. Д.Х. Валеева и М.Ю. Чельшева. М.: Статут, 2007. 140 с.

упрощенно сформулировать таким образом: цивилистические основы исполнительного производства. Это явная антидогматика, поскольку исполнительное производство в той мере, в какой оно направлено на исполнение судебных решений, хотя и является продолжением правосудия, но осуществляется органами исполнительной власти государства. Причастность исполнительного производства к правосудию или исполнительной власти в равной мере образует дистанцию с гражданским правом. Тем не менее, авторы подчеркнули не просто связь исполнительного производства с гражданским правом, но основообразующую для исполнительного производства роль цивилистики. В тексте этого исследования приведены конкретные примеры проявления гражданско-правовых начал и даже отдельных институтов гражданского права в регулировании исполнительного производства.

Перечисленные статьи и монографии написаны специалистами разных отраслей права, но объединяет их готовность обращаться к гражданскому праву как источнику идей и решений, пригодных в самых разнообразных сферах правового регулирования. Очень часто такое заимствование не афишируется и как бы скрывается. Это понятно, поскольку гражданское право принято видеть среди отраслей, а потому заимствование какого-либо материала из гражданского права не может быть свободным.

Популярность цивилистики не случайна. Очень вероятно, что здесь мы имеем дело не просто с аналогией закона, как временной и вынужденной мерой. Для меня все более отчетливо проявляется роль норм гражданского права как общих норм для всей системы права. Но, на первый взгляд, это утверждение может показаться вызывающе странным: разве могут нормы одной отрасли выступать в качестве общих или специальных по отношению к нормам другой отрасли? Разве не должны быть общие и специальные нормы в первую очередь однородными по своей сути, принадлежать одной отрасли? Даже если найдутся какие-либо исключения, обусловленные аналогией закона, они должны лишь подтвердить общее правило: общим нормам отрасли должны соответствовать нормы-исключения этой же отрасли, и наоборот. Так

обеспечивается предметное единство норм отрасли и единый метод отраслевого воздействия на общественные отношения. Ведь если гражданско-правовые нормы, пусть даже самого общего плана, будут считаться универсальными регуляторами общественной жизни и основой для построения отраслевых подсистем права, они потеряют отмеченную выше предметную определенность, следовательно, под вопросом окажется сущность гражданского права как отрасли права.

Попробуем подойти к ответу на эти вопросы не с точки зрения отраслевой дифференциации норм права, а точки зрения разграничения права частного и права публичного. В конце концов разграничение норм права на частноправовые и публично-правовые столь же фундаментально, а может быть еще более фундаментально, нежели их отраслевая дифференциация. Но если деление норм на отрасли права производится в первую очередь по предмету регулирования, то частное право отграничивается от публичного в российской юриспруденции скорее по методу регулирования: публичное право использует субординацию, власть и подчинение между субъектами; для частного права характерно равенство субъектов, дозволительный характер регулирования (И.А. Покровский, М.М. Агарков, Б.Б. Черепахин). Не найдем ли мы конфликта между этими двумя подходами к систематизации норм, конфликта недопустимого, поскольку обе систематизации касаются одного и того же нормативного массива? Тогда и мое предположение о универсальном характере норм гражданского права может быть более или менее успешно оценено с точки зрения его теоретической адекватности и практической пригодности.

Впрочем, я уверен в правильности выдвинутого здесь предположения, поскольку оно апробировано мною не только при решении теоретических задач, но и в практическом применении. По этой причине, я начну с того, что назову главного своего союзника в этом вопросе, чей авторитет в отечественной цивилистике столь высок, что можно было бы этим и ограничиться. Но, понимая важность затронутой проблемы, конечно же постараюсь привести и

другие аргументы в защиту гражданского права как универсальной ценности в нашей правовой системе.

В 2000 году была опубликована статья М.И. Брагинского «О месте гражданского права в системе "право публичное – право частное"»⁷. Фактически М.И. Брагинский заявил о полном разрыве с упомянутой выше догматикой, признающей гражданское право одной из отраслей права, вписанной в отраслевую систему, построенную на разграничении отраслей в первую очередь по предмету регулирования, а во вторую очередь – по методу. По мнению М.И. Брагинского предмет регулирования не может считаться общим для права признаком его классификации; выдвижение в качестве индивидуализирующих признаков гражданского права как предмета, так и метода утрачивает свое значение. По его мнению, с точки зрения действующего ГК все сводится лишь к одной особенности гражданского правоотношения: методу регулирования. Речь в данном случае идет о такой особенности гражданского правоотношения, о такой черте метода гражданско-правового регулирования как юридическое равенство сторон.

М.И. Брагинский не говорит, что гражданское право не отрасль, но перекладывая внимание с предмета на метод регулирования автор заставляет усомниться в том, что гражданскому праву есть место среди тех элементов системы права, которые отличаются по предмету регулирования. Интересно, что название статьи ориентирует на поиск места гражданского права не в системе многочисленных отраслей, к чему все давно привыкли, а в двучленной системе частное – публичное, многолетнее обсуждение которой во всесоюзном масштабе, конечно, не проводилось, каких-либо доктринальных установок и аксиом на ее счет в современной юриспруденции не выработано. То есть М.И. Брагинский ищет гражданскому праву место не там, где его обычно искали прежде, и руководствуется не тем критерием, которым руководствовались

⁷ См.: Брагинский М.И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права / Сборник статей. М.: Городец, 2000.

обычно раньше. Создается впечатление, что он исследует совсем другое гражданское право, новое и необычное.

Интересные сведения есть в работе другого известного специалиста по гражданскому праву Б.М. Гонгало: «Русская цивилистика (условно – до 1917 г.) не располагала детально разработанным учением о предмете гражданского права. Думается, в этом не было нужды. С позиции сегодняшнего дня ценность категории «предмет гражданского права» состоит в том, что ее использование (в совокупности с иными категориями) позволяет отграничить право гражданское от иных отраслей права. Но аналогичная цель достигалась дореволюционными учеными при выделении критериев разграничения частного и публичного права. Особенно если учесть, что понятия «частное право» и «гражданское право» чаще всего отождествлялись»⁸. Опять предмет уходит на второй план или вообще теряется из виду. Думаю, что идеи М.И. Брагинского и то, о чем сообщает Б.М. Гонгало, это некая единая традиция в нашем праве, прерванная в советское время, когда появление у гражданского права своего предмета означало резкое ограничение сферы его применения. Заметно, что отечественная цивилистика, при всем декларируемом уважении к классикам, не торопится возвращаться к их традициям. Идеи М.И. Брагинского скорее исключение из правила.

Удивительная вещь, даже в советское время, когда именно предметная специфика гражданского права не должна была вызывать никаких сомнений, специалисты по хозяйственному праву упрекали цивилистов, что они занимаясь отраслевой наукой, изучая отрасль права видят его специфику именно в методе регулирования. В.К. Мамутов об этом писал так: хотя никто не сомневается в отсутствии предметного единства, именно у гражданского права в цивилистическом его истолковании этот факт стремятся дезавуировать любыми средствами: предмет регулирования подменяют методом, термин «гражданское право» – термином «гражданско-правовое регулирование», делая вид,

⁸ Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // Проблемы теории гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 3.

будто неадекватность указанных терминов вроде бы не замечается⁹. В.К. Ма-мутов предлагал, и сегодня на этом настаивает, что следует покончить с цивилистической разработкой общей теории правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, а соответствующим общим вопросам (учение о правоотношении, о субъектах права, о юридической ответственности, о договорах) место в теории государства и права.

Верно подмечена универсальность гражданского права, но отсюда можно сделать и другой, противоположный вывод: продолжить разработку общих вопросов в гражданском праве, но само гражданское право вывести за рамки предметно-ориентированных отраслей, то есть сделать его общим элементом (для отраслей) в системе права, как его к тому обязывает звание частного права. В советское время В.К. Мамутов не мог сделать такой вывод, поскольку четкая предметная определенность гражданского права, хотя и была проблемой, но была столь же необходима в принципе, сколько отрицалось частноправовое начало в регулировании общественных отношений. Предмета у гражданского права не было, но его надо было придумать как альтернативу известному принципу «разрешено все, что не запрещено». Такова была государственная политика. Но сейчас нас интересует отмеченный В.К. Мамутовым универсализм гражданского права, столь сильный, что упразднить не получилось даже в советское время.

Но допустимо ли ставить знак равенства между частным правом и гражданским правом? Вот, как обычно пишет о гражданском праве Е.А. Суханов: «Частное (гражданское) право составляет базу, ядро правопорядка, основанного на рыночной организации хозяйства»¹⁰; «Гражданское (частное) право во всяком правопорядке регулирует прежде всего различные отношения по принадлежности или использованию имущества, отличающиеся тем, что они основаны на юридическом равенстве участников, автономии их воли и их

⁹ Цит. по: Иоффе О.С., Красавчиков О.А. О критике научности и научности критики // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 743.

¹⁰ Понятие о частном праве // Гражданское право: В 2 т. Том I: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во БЕК, 1998. С. 4.

имущественной самостоятельности (обособленности)»¹¹; «Гражданский кодекс России 1994 г. Впервые законодательно закрепил в п. 1 ст. 1 основные начала частного права: ...»¹². Заметно, что даже в тех случаях, когда Е.А. Суханов пишет, что гражданское право – это ядро частного права, по всему видно, что для него нормой является отождествление частного и гражданского права, как это происходит за рубежом.

А вот, что можно встретить в работе современного немецкого автора Марио Цебуллы: один из параграфов своей книги «Немецкое хозяйственное право»¹³ он назвал «Гражданское право как противоположность публичного права». Очевидно, здесь словосочетание «гражданское право» взято в значении «частное право». Все содержание параграфа поддерживает этот вывод. Иногда автор допускает даже выражения типа «частное или гражданское право» в значении тождества.

Таким образом, отождествление частного права и права гражданского, усиленное воспоминанием о чрезвычайной специфике метода гражданского права и его предметной всеядности, не оставляет ему никаких шансов сохранить место среди отраслей права и переводит его на другое, более важное, место в системе российского права. Гражданское право не только освобождает место новым отраслям, которые, как и все отрасли, выделяются своим предметом, оно еще открывается для всех отраслей, становится общим для них источником идей и даже конкретных предписаний в виде кодифицированного гражданского законодательства. Естественно, что на отраслевом уровне происходит специализация гражданско-правовых институтов, они видоизменяются под влиянием публичного права. Не знаю, существует ли такая отрасль, в рамках которой нельзя было бы обсуждать вопрос о соотношении частного и публичного начал правового регулирования, а значит и вопрос о

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 8. Все эти высказывания или подобные им можно увидеть и в сборнике статей автора, само название которого «Гражданское право России – частное право» подчеркивает готовность Е.А. Суханова отождествлять частное право и гражданское (См.: Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право. М.: Статут, 2008. 588 с).

¹³ См.: Цебулла М. Немецкое хозяйственное право: Учебное пособие. Красноярск, 2000. 173 с.

соотношении гражданского и публичного права, а значит и о применении (хотя бы изредка) норм гражданского права.

Отождествление частного права и права гражданского неминуемо не только выводит последнее из системы отраслей, но означает его первенство в системе «право частное – право публичное», придает его нормам характер самых общих правил.

В связи с этим следует согласиться с В.Ф. Яковлевым в том, что «надо четко обозначить сферы действия публичного права, ибо все остальное должно охватываться частным правом. Границы и сферы действия публичного права в чистом виде должны быть четко обозначены, с тем, чтобы публичное право, а оно сильнее частного права, не узурпировало бы, не присваивало бы себе то, что ему неподвластно»¹⁴. Другими словами, у гражданского права тоже есть свой предмет, в том смысле, что существуют общественные отношения, регулируемые гражданским правом, но определяется он совершенно не так, как определяется предмет любой отрасли. Предметом гражданского права следует признать все общественные отношения, за исключением той их части, которая оказалась в сфере действия публично-правовых норм. По мнению В.Д. Перевалова, частноправовые начала не только в историческом, но и в логическом плане являются первичными по отношению к публичным¹⁵. В каждый данный момент времени действие гражданско-правовой нормы может быть блокировано лишь в достаточной мере конкретным публично-правовым предписанием. Доказыванию подлежит не гражданско-правовой характер регулирования отношений, поскольку он предполагается, а публично-правовая их регламентация. Единственным доказательством публично-правовой

¹⁴ Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 1998 года). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 6. Утверждая так, В.Ф. Яковлев, почему-то, в категоричной форме отверг возможность применения ст. 395 ГК к отношениям, возникающим при взыскании налогов в размере, большем, чем требуется по закону. Границы действия публичного права в этом случае, до принятия Налогового кодекса не были четко обозначены. Законодательство не запрещало налогоплательщикам предъявлять требования, основанные на ст. 395 ГК РФ.

¹⁵ См.: Перевалов В.Д. Публичные и частные начала в правовой системе общества // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 1998 года). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 43.

регламентации отношений является публично-правовая норма, устанавливающая правило, отличное от гражданско-правового правила, рассчитанного на сходную ситуацию, либо устанавливающая такое правило, согласно которому, действие гражданско-правовой нормы ограничивается.

Гражданско-правовая модель регулирования имущественных отношений является базовой, а равенство участников имущественных отношений их исходное состояние. В этой связи, всякое отношение власти и подчинения может быть только результатом ограничения прав одного из участников. Властные имущественные отношения – это отношения с нарушенным исходным равенством субъектов. Правила ограничения прав предусмотрены в первую очередь Конституцией РФ (ст. 55) и воспроизведены в ст. 1 ГК РФ. Права могут быть ограничены только федеральным законом и только в определенных целях: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Важно особо отметить, что речь идет об ограничении конкретных прав столь же конкретными нормами закона для достижения конкретных конституционно значимых целей. Для любого ограничения должно существовать объяснение. Более того, ограничения имеют различную степень, которая также должна соответствовать конституционно значимым целям. Следует признать неверным такой подход, когда ограничение прав устанавливается по отраслевому признаку. Например: во всех отношениях, регулируемых налоговым или финансовым законодательством, участники непременно находятся в состоянии власти и подчинения; гражданское законодательство к ним без специальной санкции применить нельзя; обычно принадлежащие собственникам права и свободы в этих отношениях не проявляются. Действительно, существуют многочисленные отношения по поводу налогов и государственных финансов, в которых права участников обоснованно ограничены. Отсюда не следует, что во всех случаях права участников отношений, возникающих по поводу налогов и государственных финансов, следует считать ограниченными.

Определяя общественные отношения, на которые гражданское законодательство не распространяется, законодатель в п. 3 ст. 2 ГК РФ сначала указывает общий, сущностный признак всех таких отношений (власть и подчинение, санкционированные нормой права), а затем, в качестве примера, называет некоторые виды отношений, не регулируемых гражданским законодательством. Ключевую роль в данном случае играет именно общий признак: санкционированное федеральным законом состояние субъектов в отношении власти и подчинения. Наличие такого состояния можно определить, анализируя конкретную правовую норму. Если для какого-либо субъекта заключение договора является обязательным, какое значение имеет для него свобода договора по гражданскому праву? Когда равенство субъектов нарушено нормой федерального закона, в этой части блокируется действие норм, воплощающих частноправовое начало в регулировании общественных отношений. Вывод настолько очевидный, что возникают сомнения в целесообразности существования п. 3 ст. 2 ГК РФ наряду с п. 1 этой статьи, с учетом содержания п. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ.

С точки зрения законодателя важен не предмет правового регулирования, а метод. Данное обстоятельство приобретает особое значение в связи с тем, что не всегда можно однозначно ответить на вопрос об отраслевой природе тех или иных общественных отношений, чему способствуют и разногласия среди представителей той или иной отраслевой науки. Если регулирование конкретного отношения, связанного с государственными финансами или налогообложением, обошлось без метода юридической централизации, без ограничения прав одного лица и предоставления властных полномочий другому лицу, то не нужно дожидаться прямого указания в законе на возможность использования средств гражданско-правового регулирования.

Пожалуй, только неверной интерпретацией п. 3 ст. 2 ГК РФ можно объяснить существовавшую долгое время практику, когда судебные инстанции отказывались применять ст. 395 ГК РФ при состоявшемся взыскании налогов

в размере, большем, чем требуется по закону¹⁶. Сумма, взысканная в качестве налога, очевидно, не является налогом в той части, в какой она превышает размер обязательных отчислений в бюджет. В принципе неверно приравнивать отношения, складывающиеся по поводу излишне взысканных сумм, к отношениям по уплате налогов как таковых. Неверно рассматривать все отношения между получателем налога и налогоплательщиком как исключаящие применение к ним гражданско-правовых норм по причине отсутствия равенства участников. В настоящее время Налоговый кодекс РФ предусматривает возврат суммы излишне взысканного налога с начисленными на нее процентами (ст. 79). Гражданско-правовая норма ст. 395 ГК РФ была воспроизведена в Налоговом кодексе РФ, хотя и с определенными коррективами. Оказалось, что общественные отношения, возникающие при излишнем взыскании налогов, вполне приемлют правило ст. 395 ГК РФ. Ограничение прав, в том, что касается возможности требовать проценты за пользование чужими денежными средствами, было снято благодаря прямому указанию закона на возможность предъявления таких требований. Однако это ограничение никогда не имело закрепления в законе, а было порождено судебной практикой вопреки требованию ст. 55 Конституции РФ и ст. 1 ГК РФ.

Разъяснением высших судебных инстанции было предопределено не только ограниченное применение ст. 395 ГК РФ, но и гражданского законодательства в целом. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 года № 6/8 было сказано: в случаях, когда разрешаемый судом спор вытекает из налоговых или других финансовых и административных правоотношений, следует учитывать, что гражданское законодательство может быть применено к указанным правонарушениям только при условии, что это предусмотрено законодательством. Не трудно заметить, что в Постановлении акцент был сделан на отраслевой

¹⁶ См.: п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 года // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 9.

принадлежности общественных отношений, а не на избранном методе их регулирования.

Вот лишь один пример из практики, соответствующий указанному разъяснению. АО предъявило иск к субъекту РФ о возмещении из областного бюджета затрат на содержание государственного соцкультбыта. Длительное время, вопреки требованию законодательства, на содержание соцкультбыта средства из бюджета не выделялись. Все затраты несло АО-балансодержатель, не являвшееся собственником объектов. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ пришел к следующему выводу: возможность судебной защиты нарушенных интересов хозяйствующих субъектов в сфере финансово-правовых отношений действующим законодательством не предусмотрена. В иске акционерному обществу было отказано¹⁷. Интересы АО оказались незащищенными вовсе не потому, что права на судебную защиту и возмещение убытков были ограничены прямым указанием в законе, а потому, что в законе не было специальной нормы, рассчитанной на эту конкретную ситуацию, где бы права АО нашли подтверждение. Не конституционно значимая цель и норма федерального закона оказались в основе ограничения прав, а только лишь сам по себе вывод суда о финансово-правовой природе возникших отношений.

В свое время сенсацией стали решения судов Пермской области, которыми удовлетворены требования пенсионеров о выплате компенсаций за задержку пенсий во время дефолта¹⁸. Надо полагать, такие решения суды могли принять лишь пренебрегая разъяснениями высших судебных инстанций, ибо связь требований с государственными финансами более чем очевидна, а прямое указание на возможность предъявления подобных требований в законе отсутствовало.

В настоящее время п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 года утратил силу, но

¹⁷ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 10.

¹⁸ См.: Пенсионеры выиграли суд у государства // Рос. газ. 2002. 29 августа; Пенсионные бои в Перми // Рос. газ. 2001. 31 октября.

аналогичное правило теперь содержится в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 марта 2016 года «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹⁹. Нельзя сказать, время пошло на пользу руководящим разъяснениям высшей судебной инстанции. В Постановлении по-прежнему можно прочитать: «указанные в статье 395 ГК РФ проценты не начисляются на суммы экономических (финансовых) санкций, необоснованно взысканные с юридических и физических лиц налоговыми, таможенными органами, органами ценообразования и другими государственными органами, и подлежащие возврату из соответствующего бюджета. В этих случаях гражданами и юридическими лицами на основании статей 15, 16 и 1069 ГК РФ могут быть предъявлены требования о возмещении убытков, вызванных в том числе необоснованным взиманием сумм экономических (финансовых) санкций, если законом не предусмотрено иное». Для отношений, регулируемых налоговым законодательством это разъяснение неактуально, поскольку в Налоговом кодексе РФ закреплён механизм взимания процентов, аналогичный тому, который предусмотрен ст. 395 ГК РФ. Но такое повторение универсальных гражданско-правовых идей не всегда можно найти в специальном отраслевом законодательстве. Участники отношений теряют возможность использовать компенсационный механизм взимания процентов по умолчанию законодателя, что нельзя признать правильным решением, поскольку права и свободы не могут ограничиваться молчанием законодателя. А ведь гражданское законодательство, следовательно, ст. 395 ГК РФ основаны на признании прав и свобод. При таком взгляде на гражданское право ст. 395 ГК РФ неизбежно становится универсальной категорией всего российского права, общей нормой всего действующего законодательства.

Это критическое замечание в адрес руководящих разъяснений Верховного Суда РФ тем более уместно, что в последние годы наблюдается другая тенденция, когда государство охотно признает за собой возможность

¹⁹ Рос. газ. 2016. 4 апреля.

использования гражданско-правовых механизмов взыскания денежных средств с должников невзирая на отраслевую природу отношений. Показательным является Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П от 24 марта 2017 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова»²⁰. В нем, в частности, сказано, что содержащееся в главе 60 ГК РФ правовое регулирование обязательств вследствие неосновательного обогащения, по существу, представляет собой конкретизированное нормативное выражение лежащих в основе российского конституционного правопорядка общеправовых принципов равенства и справедливости. Не удивительно, что Конституционный Суд РФ постановил признать положения ст. 1102 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку эти положения по своему конституционно-правовому смыслу при отсутствии в законодательстве о налогах и сборах специального регулирования порядка возврата неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета не исключают возможность взыскания с налогоплательщика денежных средств, полученных им вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного по решению налогового органа имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, в порядке возврата неосновательного обогащения в случае, если эта мера оказывается единственно возможным способом защиты фискальных интересов государства...

²⁰ Рос. газ. 2017. 5 апреля.